

МИРИАМ
ВАТТЕНБЕРГ

ВЫЖИВШАЯ

ЯУА
2024

УДК 94(438)"1939/45"
ББК 63.3(4Пол)622
В21

Ваттенберг, Мириам.

В21 Выжившая: дневник девушки из Варшавского гетто / Мириам Ваттенберг ; [перевод с английского И. Н. Мизининой]. – Москва : Яуза-пресс, 2024. – 320 с.

ISBN 978-5-9955-1203-5

Население Варшавского гетто составляло полмиллиона человек, из которых смогли выжить лишь единицы. Автор этой книги стала одним из тех немногих узников, кому удалось пережить Холокост. Наряду с дневником Анны Франк – это одно из самых главных свидетельств о Второй мировой, глубоко личная история любящей жизнь молодой девушки, столкнувшейся с запредельными человеческими страданиями. Именно дневник Мириам Ваттенберг (1924–2013), опубликованный в США еще до окончания войны, в феврале 1945 года, открыл всему миру глаза на ужасы Холокоста. Он является важнейшим личным свидетельством о повседневной жизни Варшавского гетто, масштабных депортациях евреев в лагеря смерти и преступлениях нацистов в оккупированной Варшаве. «Сегодня в гетто была кровавая среда. Начались депортации и уличные погромы. С рассветом патрули украинцев и литовцев под руководством немцев окружили гетто. Любой, кто приближался к воротам или показывался в окне, расстреливался на месте. Украинцы и литовцы проявили большое рвение в убийствах. Это рослые молодые звери семнадцати – двадцати лет, специально обученные для этой кровавой работы немецкими инструкторами...»

УДК 94(438)"1939/45"
ББК 63.3(4Пол)622

ISBN 978-5-9955-1203-5

© Мизинина И.Н., пер. с англ., 2024
© ООО Яуза-пресс, 2024

Оглавление

Предисловие	9
Глава I. Варшава в осаде	30
Глава II. Начало гетто	63
Глава III. Жизнь продолжается	81
Глава IV. Подполье	98
Глава V. Русские бомбы	111
Глава VI. Тиф	121
Глава VII. «Насилие над братом твоим»	135
Глава VIII. Ужас бродит по улицам	157
Глава IX. Еще один год	170
Глава X. Весна жестока	184
Глава XI. Немцы ведут съемку фильма	197
Глава XII. Привилегированные отправляются в тюрьму	211
Глава XIII. Дети идут на прогулку	223
Глава XIV. Конец еврейской полиции	237
Глава XV. И снова кровавые дни	253
Глава XVI. Лагерь для интернированных	270
Глава XVII. Битва в гетто	282
Глава XVIII. На свободу	310
Хронология событий	316

Обнесенные стеной еврейские кварталы, созданные нацистами в Польше, предназначались для унижения и пыток еврейского народа. Сегодня эти гетто превращены в руины после того, как евреи превратили их в цитадели сопротивления. В Варшаве, Белостоке, Бендзине и Ченстохове евреи, мужчины, женщины и дети, имея лишь допотопное оружие, восстали против нацистских батальонов, вооруженных до зубов. Эти бойцы не получали боеприпасов даже во время битвы за Варшавское гетто, которая длилась сорок два дня. Героическая борьба и страдания евреев в польских гетто составляют одну из самых трагических и малоизвестных страниц войны...

*Из предисловия к первому изданию
дневника Мириам Ваттенберг (Мэри Берг),
Нью-Йорк, 1945 год*

Предисловие

19 апреля 1944 года Мириам Ваттенберг (Мэри Берг) начала свою борьбу за то, чтобы открыть миру глаза на Холокост. В тот день многотысячная толпа собралась у Варшавской синагоги в Нью-Йорке и прошла маршем к мэрии в ознаменование первой годовщины восстания в Варшавском гетто. Во главе марша стояла семья Ваттенберг, Шайя и Лена, а также их дочери Мэри (Мириам) и Анна, которые избежали ужасной участи столь многих европейских евреев и добрались до Соединенных Штатов всего за четыре недели до этого события. Демонстранты несли плакаты с надписями: «Мы взываем к совести Америки, чтобы помочь спасти тех евреев в Польше, которых еще можно спасти», «Отомстите за кровь польского гетто» и «Три миллиона польских евреев были убиты нацистами! Помогите нам спасти выживших».

Ваттенберги прибыли в Соединенные Штаты в марте 1944 года в качестве репатриантов на судне «Грипсхольд», так называемом обменном пароходе, арендованном Государственным департаментом США у шведско-американской компании. С.Л. Шнейдерман, еврейский журналист, тоже бежал из нацистской Европы и встретил Мириам Ваттенберг, которой тогда было девятнадцать лет, на пристани после прибытия корабля. Он узнал, что она привезла с собой дневник

о себе и своей семье в Варшавском гетто, написанный на польском языке в двенадцати маленьких блокнотах на спирали.

В предисловии к польскому изданию дневника в 1983 году Шнейдерман вспоминает: «В состоянии благоговения я читал крошечные буквы на плотно исписанных страницах ее блокнотов. Опасаясь, что книги могут когда-нибудь попасть в руки нацистов, Мэри писала свои заметки в придуманной ею самой стенографии, используя только инициалы людей, имена которых она упоминала. Она никогда не использовала слово «нацист». Вместо этого она писала «они».

Нэнси Крейг во время радиопередачи на станции WJZ (коммерческая радиостанция в Балтиморе. — *Прим. переводчика*) в Нью-Йорке спросила Мэри, как ей удалось привезти свой дневник в Штаты. Она ответила: «Я разработала собственный код и записала самые важные факты. И я просто положила его в свой чемодан. Также я запомнила все важные даты и имена». Вскоре после приезда Мэри начала переписывать свои записи на польском языке.

Шнейдерман тесно сотрудничал с Мэри в течение следующих нескольких месяцев, расшифровывая записные книжки и обращаясь к ней с просьбой «объяснить определенные факты и ситуации, которые в противном случае вызвали бы недоумение не только у американцев, но и у читателей по всему миру», а возможно, добавить некоторые материалы, связанные с транскрипцией и другой дополнительной информацией. Узнав, что упомянутые лица погибли, они со Шнейдерманом изменили инициалы на полные имена. По той же причине фамилия автора была сокращена до «Берг», чтобы защитить семью и друзей, которые во время войны оставались в Польше и могли быть живы. В Павяке Мэри также начала переписывать части своего дневника. По этим при-

чинам, пожалуй, правильнее всего будет назвать опубликованную ею работу «дневниковыми мемуарами».

Сделав перевод польской рукописи на идиш, Шнейдерман опубликовал ее в виде серии в журнале «Дер Морген» (*Der Morgen zshurnal*). Затем он пригласил Норберта Гутермана, родившегося в Польше, и Сильвию Гласс, выпускницу колледжа Уэлсли, для перевода польской версии на английский язык. По-видимому, именно эта версия появилась в газете «Премьер-министр» (*P.M.*) в Нью-Йорке в форме серии и в сокращенной форме в «Джуиш Контемпорари Рекорд» (*Jewish Contemporary Record*) осенью 1944 года. Примерно в то же время дневник в переводе Мэри Граф публиковался в нью-йоркской газете в изгнании *Aufbau* с 22 сентября 1944 по 19 января 1945 года.

В феврале 1945 года Шнейдерман вместе с Л. Б. Фишером опубликовал в Нью-Йорке полную работу Мэри Берг «Варшавское гетто: дневник». Мэри разработала оригинальную суперобложку с изображением кирпичной стены, обозначающей границу Варшавского гетто. В предисловии к специальному выпуску дневника, спонсируемому Национальной организацией польских евреев, президент Йозеф Тон изложил цель публикации дневника Берг и Шнейдерманом. Он объяснил: «Руководители Объединенных Наций заявили, что прибегнут к отравляющим газам и бактериологической войне только в том случае, если немцы первыми применят эти бесчеловечные методы. Этими методами немцы уничтожили миллионы евреев в Трешлинке, Майданеке, Освенциме и других лагерях. Но и сегодня цивилизованный мир не осознает этого в полной мере. Поэтому наш долг — сообщить страшную правду, предать гласности документы и свидетельства очевидцев, раскрывающие ее вне всякого сомнения».

Дневник Мэри Берг был опубликован еще до окончания войны, до того, как люди в Соединенных Штатах и за рубежом и даже сама автор дневника узнали о чудовищности немецких преступлений и подробностях так называемого «Окончательного решения». Более того, мы должны помнить, что, являясь свидетельницей этих преступлений против человечности, Мэри прибыла в Нью-Йорк до лета 1944 года, когда венгерских евреев, последние европейские общины, истребили в Освенциме с помощью газа, и в тот период еще оставалась надежда, что внимание мира к их бедственному положению может привести к спасению.

Мэри Берг была не единственным свидетелем этих событий, давшим показания на английском языке до окончания войны. В период с 1942 по 1943 год было опубликовано несколько статей и брошюр с рассказами очевидцев, а свидетельства из первых рук также были включены в книгу о польских евреях в 1943 году.

Тем не менее дневник Мэри Берг стал первым отчетом, описывающим события от создания гетто до первых депортаций, имевших место в период с июля по сентябрь 1942 года, который появился на английском языке в качестве свидетельских показаний. Он также был одним из первых личных рассказов, в котором описывалось использование газа для уничтожения еврейского населения в Трешлинке. В предисловии к дневнику Шнейдерман отметил: «Мы надеемся, что когда-нибудь в будущем будут обнаружены хроники, спрятанные авторами в развалинах Варшавского гетто. Могут быть найдены другие выжившие, которые дадут дополнительные показания об этом героическом эпизоде войны... а пока что дневник Берг является единственным существующим свидетельством очевидца».

Уникальный вклад Мэри Берг отмечался в рецензиях зимой 1945 года. «Нью Йоркер» писал: «Это мрач-

Мириам Ваттенберг (Мэри Берг)

ная книга, полная тьмы и ужаса, и, поскольку она дает представление о мужестве и человечности людей Варшавское гетто, это также смелое и вдохновляющее произведение». В «Керкус Ревью» (*Kirkus Review*) ее назвали «трогательным отчетом о терроризме», а в обзоре «Нью-Йорк таймс» (*New York Times*) ее рекомендовали к прочтению всем «без оговорок». В «Сатурдей Ревью» (*Saturday Review*) пришли к выводу, что дневниковые записи Берг «несут на себе отпечаток искренности и достоверности, и они, по-видимому, не «приукрашены» редакторской обработкой».

Вскоре после публикации в феврале 1945 года дневник был переведен на несколько иностранных языков. Совсем недавно по нему была поставлена пьеса — спектакль для уличного театра, а в 1991 году дневник показали в документальном фильме «День в Варшавском гетто, поездка в ад на день рождения» (*A Day in the Warsaw Ghetto, A Birthday Trip to Hell*). Он также фигу-

рирует в качестве источника в библиографии многих важных работ о Холокосте, доступных для студентов и ученых.

Дневник Мэри Берг уникален своей достоверностью, подробностями и остротой, а также тем, что был опубликован так рано. Элис Экхардт, известный христианский теолог, писала в 1995 году: «Теперь, когда окончательная судьба гетто известна всем, подробности жизни общины, которая продолжала жить и даже временами расцветала, несмотря на ужасные условия, в которых она существовала, становятся для нас еще более важными. Уникальные обстоятельства, позволившие этой молодой женщине покинуть гетто незадолго до его уничтожения, придают книге живость и в то же время неподражаемую остроту».

Когда немцы напали на Польшу, Мэри Берг было пятнадцать лет, и ее записи — это дневник молодой девушки. Как и многие дети, ведущие дневники, она искала смысл той жестокости, с которой столкнулась. Подобно Анне Франк и другим, она начала вести дневник, чтобы как-то утешиться и занять себя. Позже это стало отдушиной для нее и ее друзей. Элвин Розенфельд в своей работе «Умереть дважды» (*A Double Dying*) заключает, что дневники Холокоста, написанные детьми или подростками, «похоже, составляют особый поджанр литературы о пребывании в заключении».

Вместе со своей семьей она находилась в Варшавском гетто с момента его основания в ноябре 1940 года и вплоть до нескольких дней до начала Великой депортации 22 июля 1942 года. Семнадцатого июля 1942 года их интернировали как американских граждан в тюрьму Павяк, которая находилась внутри гетто. Наблюдая из окон тюрьмы, они стали свидетелями депортации более 300 000 жителей гетто. Несколько лет спустя Мэри вспоминала, что видела многих своих друзей сре-

ди «пожилых мужчин с седыми бородами, цветущих молодых девушек и гордых юношей, которых гнали, как скот, на смерть к Умшлагплац по улице Ставки».

Вскоре после полуночи 18 января 1943 года, в день, когда в гетто началась вторая акция, которая должна была привести к первому вооруженному сопротивлению на следующий день, Мэри, ее родителей и сестру Энн вместе с другими иностранными интернированными отправили в лагерь для перемещенных лиц Виттель, Франция. Спустя год они оказались отобранными для обмена на немецких военнопленных в США. Шестнадцатого марта 1944 года они прибыли в Соединенные Штаты на борту парохода «Грипсхольм».

В начале оккупации Мэри стало известно, что немцы установили цену на жизнь и что те, у кого было богатство и привилегии до оккупации, будут иметь больше шансов на выживание. Когда в Лодзи было создано гетто, одноклассница Мэри приехала в Варшаву, по словам Мэри, с «леденящими кровь историями». Ее семье удалось бежать, как она сказала своей подруге, «подкупив гестапо хорошей суммой в американских долларах». Конечно, Мэри знала, что только «зажиточные евреи» могут иметь свободный доступ к иностранной валюте.

Она поняла, что находится в числе привилегированных. В своем дневнике она объяснила, что те, у кого нет привилегий, «имеют не более 10% шансов [выжить]». Позже она с такой же откровенностью признавалась, что «только те, у кого есть большие суммы денег, способны спастись от этой ужасной жизни». Мэри выросла в зажиточной семье в Лодзи. Ее отец владел художественной галереей и ездил за границу, где покупал работы европейских мастеров, таких как Пуссен и Делакура. Она училась в школе в Лодзи, и летом 1939 года ее семья могла позволить себе провести

шесть недель на курорте, а родственники жили в Соединенных Штатах.

У нее также было понимание того, что иностранные граждане имеют гораздо больше шансов на выживание. Евреи с паспортами нейтральных стран освобождались от ношения еврейской звезды и от принудительных работ. Когда два друга получили документы граждан одной южноамериканской страны, она прокомментировала это так: «Неудивительно, что многие евреи пытаются получить такие документы; но не у всех есть средства, чтобы купить их, или смелость, чтобы использовать их».

Мать Мэри, Лена, родилась в Нью-Йорке 1 мая 1902 года и была гражданкой США. Когда Лене не исполнилось еще и двенадцати лет, она переехала в Польшу со своими родителями-поляками, а также старшими братом и сестрой, которые также родились в Штатах. Ее младшие братья Аби и Перси родились уже после того, как семья вернулась в Польшу в 1914 году. Когда ее родители, старшие братья и сестры вернулись в Штаты в 1920-х годах, Лена, модельер, осталась в Лодзи со своими младшими братьями. Она вышла замуж за Шию Ваттенберга, гражданина Польши, художника и торговца антиквариатом. У них родилось двое детей, Мэри и младшая дочь по имени Анна.

При немцах статус ее матери как американской гражданки давал всей семье защиту и привилегии, хотя Мэри и ее сестра родились в Польше. Когда в декабре 1939 года почтальон принес ее матери письмо из американского консульства, Мэри вспоминала, что он «не мог удержаться от зависти по поводу того», что у них «есть связи с американцами». 5 апреля 1940 года она, будучи реалистом, заметила, что «польских граждан еврейского происхождения некому защитить, кроме них самих». Позже она объяснила, что визитная

карточка ее матери на двери в Варшаве, указывающая, что она американка, была «прекрасным талисманом против немецких бандитов, которые беспрепятственно посещали все еврейские квартиры». Он оказался настолько сильным, что соседи приходили к ним в квартиру, как только в поле зрения появлялся человек в немецкой форме.

Хотя Ваттенберги являлись беженцами, им удалось сохранить немного денег и ценностей. Они также получали почту и посылки от родственников в Штатах, и миссис Ваттенберг как американской гражданке поначалу разрешалось покидать гетто. Когда в ноябре 1940 года немцы официально закрыли еврейский квартал в Варшаве, объявив его гетто, Ваттенбергам посчастливилось остаться в своей квартире по адресу ул. Сенная, 41, что на углу улицы Сосновая в гетто. Дом входил в зону, именуемую «Маленьким гетто», на южной границе гетто. Их окна во двор выходили на «арийскую» сторону гетто, где еще можно было видеть свободно гуляющих людей.

Маленькое гетто стало привилегированным кварталом. Гутман отмечает: «Несмотря на то что гетто приняло лозунг «все равны», некоторые люди были «более равными», чем другие, и этот дисбаланс ощущался и на улицах. Некоторые улицы, такие как Сенная и Хлодная, считались зажиточными секторами. Квартиры там были больше, движения меньше, и, главное, люди относительно сыты. На улицах жили ассимилированные евреи... и богатые евреи, которым удалось сохранить часть своего богатства».

Мэри знала об этом неравенстве и о том значении, которое богатство играло в жизни гетто.

Ее осведомленность о коррумпированности юденрата также очевидна из более поздней записи, после того как она и ее семья переехали в квартиру на Хлод-

ную, 10, расположенную прямо у западных ворот гетто, у пешеходного моста через улицу Хлодная. Она писала: «Состоятельные люди, которые могли позволить себе подкупить чиновников из жилищного хозяйства, получали лучшие квартиры на этой улице с многочисленными большими современными домами. Улицу Хлодная обычно считают «аристократической» улицей гетто, как и улицу Сенную в начале».

Хотя Мэри часто испытывала неловкость из-за привилегий и защиты, предоставляемых ее семье, ей также хотелось забыть об окружающем ее ужасе, и со свойственной юности стойкостью она адаптировалась к жизни во время оккупации. Несколько лет назад Вишневич взял интервью у человека, выжившего в гетто и сейчас пребывающего в Соединенных Штатах: «Люди думают, что гетто было как в кино: постоянный, беспощадный террор. Но это было совсем не так. Нас всегда окружал террор, но мы вели нормальную жизнь рядом с ним. В гетто случались флирт, романы, концерты, театральные представления. Люди ходили в ресторан, в то время как за рестораном кто-то умирал. Нормальное и ненормальное постоянно переплетались».

Именно такая жизнь описана на страницах дневника Мэри.

Многие из ее молодых друзей из Лодзи также бежали в Варшаву. Летом 1940 года директор ее лодзинской гимназии, доктор Михаэль Брандштеттер, вместе с несколькими преподавателями возобновил в Варшаве нелегальные занятия. Чтобы окончить учебу, студенты тайно встречались два раза в неделю в безопасном доме Ваттенбергов. Школа была доступна только для привилегированных, потому что обучающиеся в учебных группах обычно должны были платить учителям от тридцати до сорока злотых в месяц.

По мере того как число беженцев увеличивалось, а условия становились все более и более тяжелыми, евреи в Варшаве приступили к созданию сети организаций помощи и самопомощи в еврейском квартале. Стремясь внести свой вклад, Мэри и ее одиннадцать друзей из Лодзи основали клуб для сбора средств на помощь. Вскоре по просьбе представителя Объединенного распределительного комитета они решили устроить музыкальное шоу. Они называли себя «Лодзинской художественной группой» (*Lodzki Zespól Artystyczny*), или, по-польски, *LZA*, чьи буквы, по ее мнению, соответственно образовывали слово «слеза».

В одном документе, извлеченном из архива «Онег Шаббат» (*Oneg Shabbat*), говорится о «привилегированной» молодежи гетто, в основном о беженцах из Лодзи и соседних городов, которых в нем пренебрежительно называют «золотой молодежью». В своем дневнике Мэри описывает походы в кафе на улице Сенная, где они пели, и на представления в театре «Фемина» с Ромеком, прогулки, которые резко контрастируют с положением голодающей молодежи и детей в гетто. Даже клуб *LZA*, который был создан для сбора средств для бедных, явно приносил молодежи, руководившей им, долгожданное облегчение от ужасов, которые они видели вокруг себя, поскольку Мэри писала, что они «весело проводили время», ставя свою пьесу, которая имела большой успех. Однако она оставалась чувствительной к этому неравенству и к растущему отчаянию в гетто. Всего несколькими неделями ранее она отмечала, что посетила дом для беженцев, где увидела полуголых, немых детей, апатично лежащих повсюду. Одна девочка посмотрела на нее и сказала, что хочет есть. С присущей ей откровенностью она призналась в своем дневнике: «Меня одолевает чувство крайнего стыда.

В тот день я поела, но у меня не было куска хлеба, чтобы дать этому ребенку. Я не смела смотреть ей в глаза».

В другом трогательном отрывке она написала о «мечтающих о хлебе» на улицах, чьи «глаза затянуты туманом, принадлежащим другому миру». Она пояснила, что «обычно они сидят напротив витрин продовольственных магазинов, но их глаза уже не видят хлеба, который лежит за стеклом, будто в каком-то далеком недосыгаемом раю». В той же записи она также выразила вину за свои привилегии, заключив: «Я стала очень эгоистичной. Пока я еще в тепле и сыта, но кругом столько нищеты и голода, что я начинаю ощущать себя несчастной».

Авраам Левин, погибший автор дневников из гетто, описал огромные контрасты между более обеспеченными обитателями гетто и многими тысячами людей, страдающих от бедности, болезней и голода: «Страшнее всего смотреть на гетто с его толпами изможденных лиц, на которых высохли все краски. Некоторые из них имеют вид трупов, которые находились в земле несколько недель. Они настолько ужасны, что заставляют нас инстинктивно содрогаться. На фоне этих буквально скелетоподобных фигур и в атмосфере всепоглощающего уныния и отчаяния, глядевшего из каждой пары глаз, определенного типа девушки или молодые женщины в толпе прохожих, надо сказать, немногочисленные, потрясают своим сверхизящным одеянием... Гуляя по улицам, я наблюдаю это болезненное изящество, и мне стыдно даже перед самим собой».

Как напомнил будущим историкам другой публицист из «Онег Шаббат», хотя эта привилегированная молодежь жила сравнительно благополучно, «тем не менее и на них повлияли условия военного времени, которые отрицательно изменили их жизнь».